

Ю. Г. Сющук

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ МУСУЛЬМАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ КРЫМА

Мусульманская архитектура Крыма стала объектом оживленного интереса исследователей в 20-х гг. нашего века. В этот период наряду с активными полевыми исследованиями были предприняты первые попытки обобщения фактического материала и решения на этой основе широкого круга вопросов, связанных с изучением крымско-татарского архитектурного наследия. В последующие десятилетия по известным принципам, подобные исследования были практически полностью прекращены. Не стал исключением и вопрос внешних, межрегиональных связей мусульманской архитектуры Крыма. Определенный шаг, направлений на дальнейшую разработку этой важной проблемы сделан в проведенном автором исследовании типологии расположенных в Крыму мусульманских общественных сооружений: мавзолеев-дюрбе, мечетей, медресе, суфийских обителей — текие, постоянных дворов — ханов, общественных бань — хаммам.

Внешние связи определялись методом подбора аналогий или т.н. "классификацией снизу" [1, с. 198], по признакам характеризующим объемно-пространственную структуру сооружений. При этом основное внимание уделялось архитектурным памятникам регионов сопредельных с Крымом и/или связанных с ним в соответствующий период тесными культурными и экономическими отношениями. Интерпретация выявленных связей не проводилась и должна стать предметом отдельных исследований.

Отметим межрегиональные связи, установленные на примере лишь некоторых, из зафиксированных в Крыму, типов мусульманских общественных сооружений.

Так, достаточно редкий тип многогранных порталально-купольных мавзолеев, к которому относятся крымские дюрбе Хаджи-Гирея, 1501 г. (рис. 1-1), и Джанике-Ханым, 1437 г., отмечен в Дахистане (группа мавзолеев XII в.), а также в архитектуре Хорезма (мавзолей Тюрабек-Ханым в г. Куя-Ургенче, 1360-е гг. — см. рис. 1-3), оказавшей заметное влияние на постройки Тимура, в т. ч., вероятно, и на структуру знаменитого мавзолея Гур-Эмир, начало XV в. (рис. 1-4). К числу наиболее ранних примеров этого типа относится мавзолей Шабурган-ата, второй половины XI в. (рис. 1-2).

Композиция Эски-дюрбе, XV в. (рис. 1-5) с примыкающим к основному купольному объему двориком, близка среднеазиатским хазира-комплексам (рис. 1-6-8), что ставит под сомнение функцию этого сооружения, скорее всего изначально служившего не мавзолеем, а поминальной мечетью, дворик в этом случае мог иметь погребальное, а не поминальное, как считалось ранее, назначение. Впервые в качестве аналогов Эски-дюрбе подобные среднеазиатские сооружения были отмечены еще Б. Н. Засыпкиным [2, с. 124]. Однако особенности функциональной схемы хазира-комплексов им не прояснялись и в связи с этим вопрос о функции Эски-дюрбе не ставился.

Ближайшим аналогом крымских столпно-купольных мечетей с внутренним притвором за 3-пролетной аркадой (мечеть в Судаке и предположительно

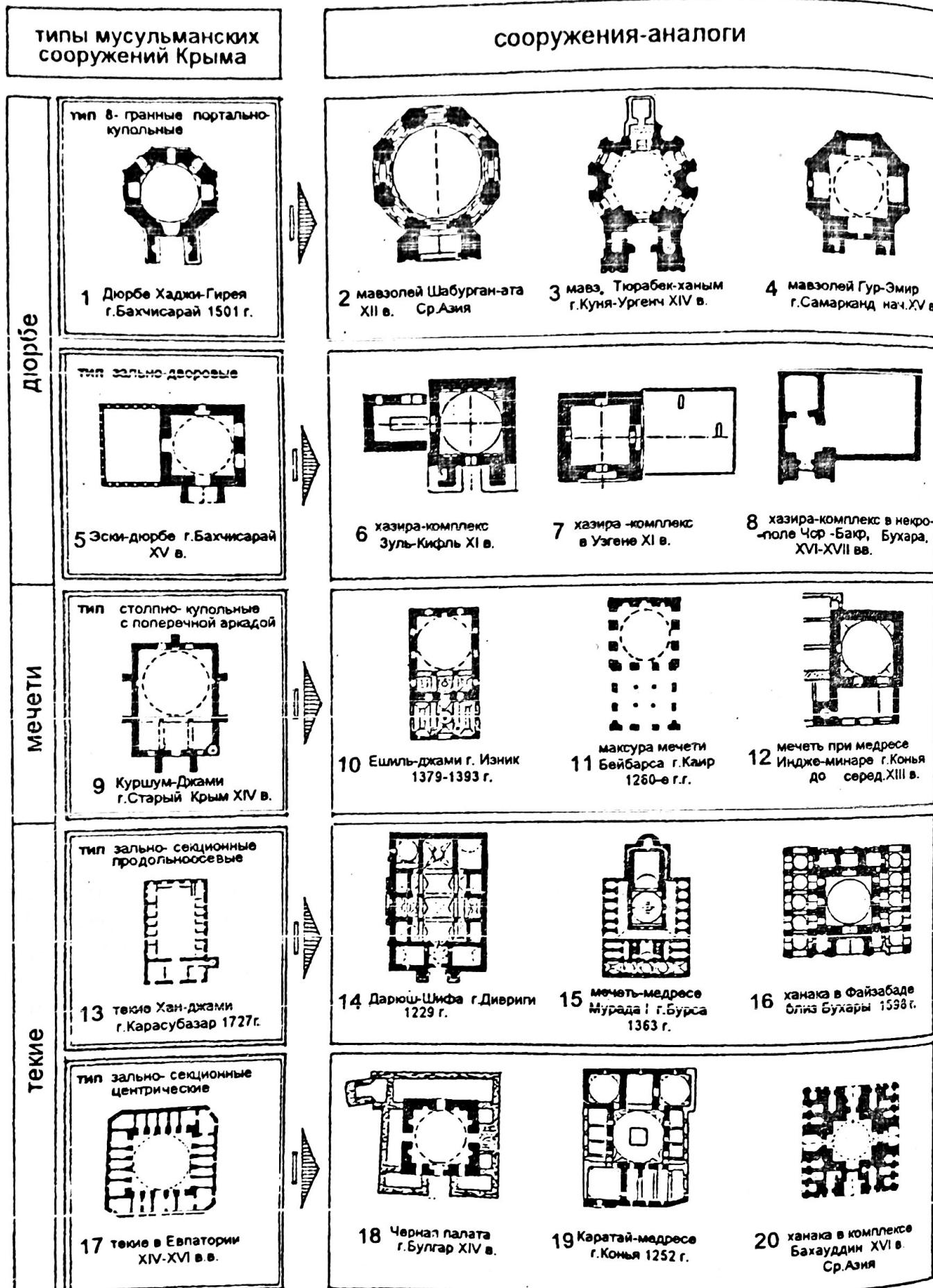

Рис. 1. Зарубежные аналоги мемориальных и культовых сооружений мусульманской архитектуры Крыма

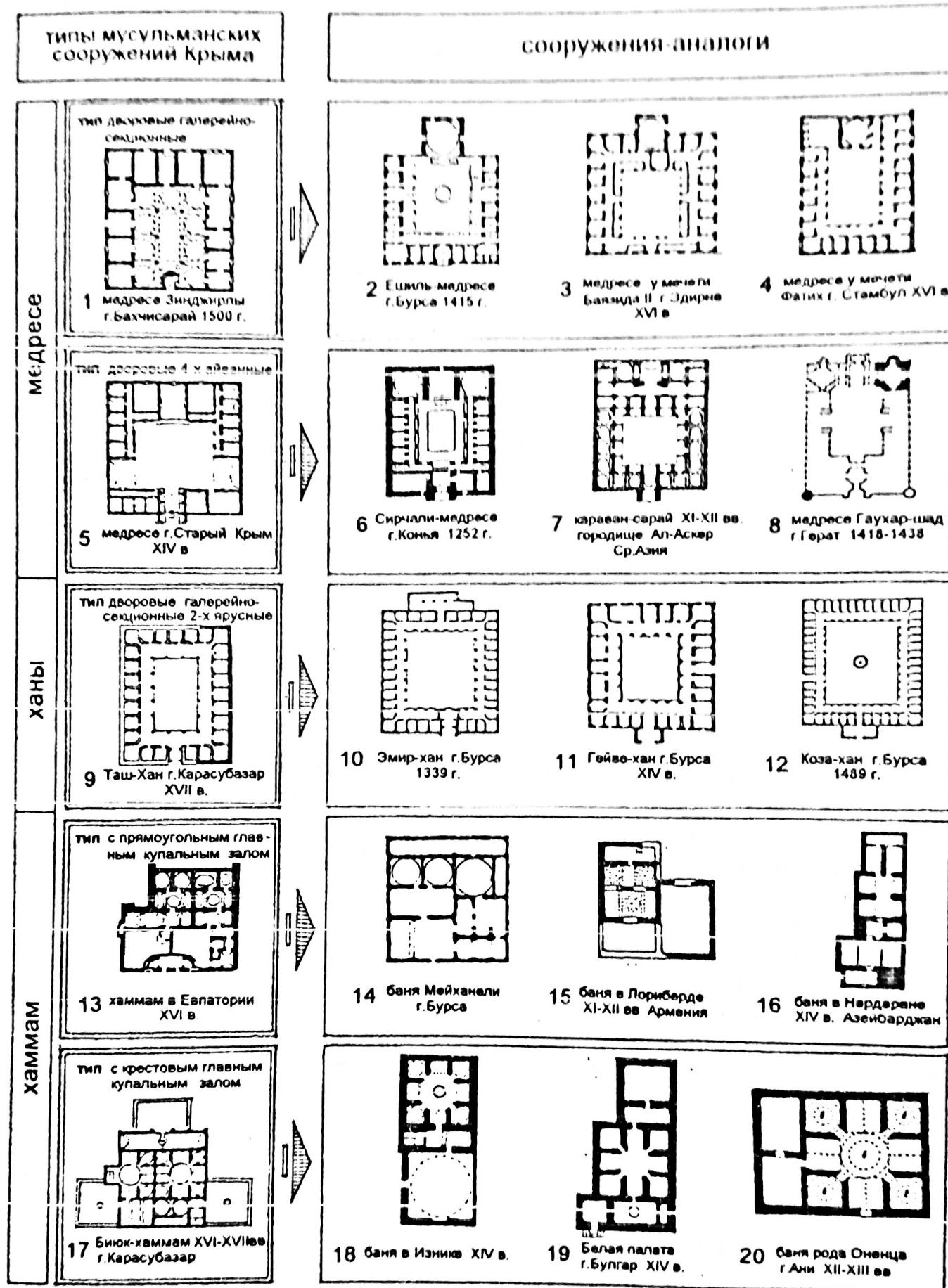

Рис. 2. Зарубежные аналоги гражданских сооружений мусульманской архитектуры Крыма

Куршум-джами — см. рис. 1-9), как неоднократно отмечалось, является Ешиль-джами в Изнике, 1379-1393 гг. (рис. 1-10) [2, с. 138; 3, с. 20-23]. Однако этот тип можно рассматривать и как результат редукции дворовых мечетей с выделением купольной максуры и примыкающего к ней участка главного нефа (см. рис. 1-11), а также как результат трансформации мечетей типа купольный киоск (рис. 1-12). При другом варианте реконструкции Куршум-джами (с помещениями келий-худжр вместо притвора) ее планировочная схема сближается с ханакой Наджмеддина Кубра в Куя-Ургенче, 30-е гг. XIV в., что хорошо согласуется с данными турецкого путешественника Эвлия Челеби о первоначальном назначении Куршум-джами как дервишеской обители [4, с. 27].

Текие представлены в Крыму двумя типами многокамерных зально-секционных сооружений: продольноосевым (текие Хан-джами в Карасубазаре, 1727 г. — рис. 1-13) и центрическим (текие в Евпатории XIV-XVI вв. — рис. 1-17).

К числу вероятных прототипов текие Хан-джами, совмещающего функции собственно текие и мечети, следует отнести некоторые анатолийские постройки сельджукского и раннеосманского периода: Дарюш-Шифа в Дивриги, 1229 г. (рис. 1-14), мечеть-медресе Мурада I в Бурсе, 1368 г. (рис. 1-15), а также продольноосевые среднеазиатские ханаки XVI в. (рис. 1-16).

Ближайшим аналогом текие в Евпатории является т. н. “Черная палата” в Булгаре, XIV в. (рис. 1-18), служившая по версии А.П. Смирнова мечетью с жилыми ячейками-худжрами для странствующих дервишей или медресе [5, с. 39]. Среди других аналогов евпаторийского текие следует также выделить крытые медресе в Конье, XIII в. (рис. 1-19), и среднеазиатские центрические ханаки XVI в. (рис. 1-20). Последние в отличие от крымских текие имеют худжры, ориентированные наружу.

К четырехайванному анатолийско-сельджукскому типу относится медресе в Старом Крыму, возведенное в 30-е гг. XIV в. (рис. 2-5). В качестве его ближайшего аналога в литературе отмечается медресе Бюрюджие в Сивасе, 1271–1272 гг. [6, с. 126]. Характерным признаком подобных сооружений является наличие стандартной планировочной ячейки, расположенной напротив входа и состоящей из сводчатого айvana и фланкирующих его купольных помещений аудитории-дарсханы и мечети (рис. 2-6). Подобная планировочная ячейка характерна и для некоторых закаспийских сооружений XII–XV вв. (рис. 2-7-8).

Относящееся к дворовому галерейно-секционному типу Зинджирлы-медресе, 1500 г., в Бахчисарае (рис. 2-1) отличается от синхронных османских аналогов (рис. 2-2-4) отсутствием высокой купольной дарсханы. Незначительный по размерам внутренний двор сближает планировку бахчисарайского медресе с многокамерными зально-секционными сооружениями, например, турецкими рынками — бедестанами, крытыми караван-салями и др. Близкие по структуре функционально тождественные сооружения можно надеяться обнаружить в провинциальной архитектуре Анатолии и на территории бывших европейских владений османской Турции.

Крымские ханы известны, главным образом, на примере дворовых сооружений Карасубазара сер. XVII в. и Старого Крыма XIV в. Если карасубазарские Таш-ханы (рис. 2-9) в целом близки синхронным османским аналогам, то существующие в настоящее время различные версии относительно первоначального облика старокрымского хана [7, с. 35; 8, с. 106; 9, с. 19] сближают его соответ-

ственю то с османскими (двухярусными, галерейно-секционными), то с анатолийско-сельджукскими (одноярусными с однорядной периметральной застройкой), то с более поздними иранскими караван-салями XVI–XVII вв. (в целом одноэтажными с двухэтажным главным корпусом).

Следует отметить, что в Крыму (во всяком случае по имеющимся сейчас данным) не получили распространения т. н. крытые караван-сарай, различные варианты которых известны во всех сопредельных регионах: в Малой Азии, в Закавказье, в Поволжье, а также в Сирии и горном Иране.

Оба известных в настоящее время типа крымских бани-хаммам: с прямоугольным главным купальным залом (рис. 2-13) и с крестовым (рис. 2-17) близки османским образцам (рис. 2-14; 18). При этом вполне возможным является воздействие на них как местных архитектурных традиций, так и традиций Закавказья, где также возводились сооружения отмеченных типов (рис. 2-15, 16, 20). Не исключено, что появление в Крыму бани с крестовым залом произошло не в XVI в. под влиянием османской архитектуры, как утверждают некоторые исследователи [10, с. 162], а уже в XIV–XV вв. под влиянием булгарских хаммам (рис. 2-19).

Проведенная работа по выявлению межрегиональных связей мусульманской архитектуры Крыма (как и другие работы подобной направленности) будет способствовать более продуктивному решению таких важных проблем как выявление истоков формирования и локальных особенностей исследуемой архитектурной традиции, определение ее места среди других явлений отечественной и мировой архитектуры. Различие существующих мнений (порой диаметрально противоположных) по всем этим вопросам еще раз подтверждает необходимость продолжения исследований внешних связей мусульманской архитектуры Крыма в т. ч. с использованием объективированных методик типологического анализа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Клейн Л. С. Археологическая типология — Л., 1991. — 448 с.
2. Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. — М., 1927. — № 2(4). — С. 113-168.
3. Бертье-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1918. — Вып. 55. — С. 1-44.
4. Григорьев А. П. "Книга путешествий" Эвлия Челеби — источник по истории Крыма XIII–XVII вв. // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. — Л., 1974. — Вып. 3. — С. 19-28.
5. Фехнер М. В. Великие Булгары, Казань, Свияжск. — М.: Искусство, 1978. — 279 с.
6. Крамаровский М. Г. Солхат и Амасья в XIV в. К итогам археологического изучения архитектурного комплекса медресе и мечети Узбека в г. Крым (Старый Крым) // Проблемы истории архитектуры. — М., 1990. — С. 124-127.
7. Домбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб-Хач. — Симферополь: Таврия, 1978. — 126 с.
8. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. — М.; Л: Наука, 1964. — 232 с.
9. Крикун Е. В. Архитектурные памятники Крыма. — Симферополь: Таврия, 1977. — 56 с.
10. Воронина В. Л. Бани-хаммам у народов Советского Союза и стран зарубежного Востока // Архитектурное наследство. — М.: Стройиздат, 1983. — Вып. 31. — С. 132-167.